

*Тебя питают воды Итры
И все двери пред тобой отрыты
И ты точно станешь чемпионом
Именно под этим небосклоном*

Толчки

**Марат
Дроздов**

16+

Марат Дроздов

Толчки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63736153

SelfPub; 2021

Аннотация

Обычный парень из маленького провинциального города открывает для себя новый, неизведанный мир – мир околофутбола. Что ждет его впереди?

Содержание

Песнь смертника	4
I	5
II	10
III	15
IV	21
V	29
VI	37
Толчки	46
Часть первая	46
I	46
II	50
III	55
IV	62
V	70
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Марат Дроздов

Толчки

Песнь смертника

С чего все началось?

Этим вопросом я задавался уже полчаса.

Возможно, все началось в субботу, когда я поссорился с мамой?

Нет.

А собственно, почему я поссорился с мамой тогда?

I

В тот день, до определенного момента, не произошло ровным счетом ничего необычного. Я, как и всегда, пошел с утра в школу, отсидел там положенные шесть с чем-то часов и вернулся домой. Когда я вошел, мною овладело знакомое, но, в то же время ненавистное чувство страха. Этот страх был тем, что возникает, когда ждешь чего-то страшного, но уже ничего не в силах изменить. Сперва я не понял, чем это чувство продиктовано. Затем до меня дошло. Этим вечером домой должна была вернуться мама. Она уезжала на неделю, на дачу, а меня, как «ответственного и взрослого человека» оставила одного. Эта формулировка – «Ответственный и взрослый человек» была придумана мной. Дело в том, что мама хотела уехать только через три недели, когда наступят каникулы. Поначалу мне эта идея нравилась, но потом, под давлением обстоятельств и, вспомнив также, что когда-то давно мне говорили, что у меня развита коммуникабельность, я решил пойти ва-банк. Я подошел к ней и серьезно сказал:

– Мам, скажи, только честно – ты считаешь меня взрослым человеком?

Она посмотрела на меня с интересом. Когда я подошел, она лежала на кровати и смотрела телевизор, поэтому смотрела она на меня сейчас сверху вниз.

– Это как посмотреть, – задумчиво сказала она. – Если сравнивать со мной, то нет, а если с ними, – она мотнула головой в сторону окна, откуда слышались детские крики. – То да.

Окно маминой спальни выходит прямо на детскую площадку и, несмотря на то, что мы живем на седьмом этаже, радостный детский визг слышен очень отчетливо.

– А если обособленно?

Она смерила меня хитрым взглядом.

– Ну, допустим да. Ты довольно взрослый.

– А как ты думаешь, взрослого человека можно оставить одного на неделю?

Ее глаза сделались еще хитрее. Она вглядывалась в меня, пытаясь понять, к чему я клоню.

– Думаю, можно, – ответила она, наконец.

– То есть его можно оставить одного и не переживать, что у него будет с учебой...

Она улыбнулась.

– Мы же договорились, – перебила она. – Я оставлю тебя одного на неделю.

– Да?! – радостно воскликнул я.

– На каникулах, – добавила она.

Я сразу поник.

– А ты думал, что я свалю прямо сейчас?

– Нет, – поспешно ответил я. – Я просто думал, раз уж я взрослый, то можно меня и оставить...

– И ты будешь сам вставать с утра?

– Да!

– Не смей меня! У тебя каждое утро будильник раздается прямо над ухом, а ты лежишь и спишь себе спокойно. И просыпаешься только когда я тебя бужу.

– Я не просыпаюсь, потому что знаю, что сейчас придешь ты и начнешь меня толкать, а значит просыпаться сейчас нет смысла.

Она скептически посмотрела на меня. Я выдержал этот взгляд и, чтобы закрепить успех, добавил:

– А если бы ты меня не будила, я бы вставал по будильнику.

– То есть я виновата? – сказала она, вскинув брови.

Она любила так делать. Поднимет брови, распахнет глаза во всю ширь, ткнет пальцем себе в грудь и сделает выражение лица, говорящее: «Как можно нападать на несчастную женщину?».

– Нет, – со смехом сказал я. – Не виновата, просто...

– Просто хочешь выдворить родную мать из дома!

– Если честно, да...

Она поперхнулась и воззрилась на меня. Такого поворота событий она явно не ожидала.

– Слушай, я ответственный и взрослый человек. Я могу сам просыпаться утром, могу сам себе приготовить поесть. Меня спокойно можно оставить на неделю!

Она прыснула. По ее лицу было видно, что обстановку я

разрядил удачно.

– Ну, раз уж ты ответственный и взрослый человек, то можно.

Она поднялась с кровати и подошла ко мне.

– Предлагаю спор, – сказала она.

Я насторожился. За таким предложением могло последовать что угодно.

– Хорошо, я уеду, – я изо всех сил попытался не улыбнуться, но вышло плохо. – Лимончика съешь, а то больно радостный. Так вот, я уеду, но если ты в мое отсутствие не получишь ни одной двойки, то я уеду еще и на каникулах.

В тот момент я чуть не подпрыгнул от радости.

Но вышло так, что прямо перед ее приездом, в пятницу, я схлопотал пару по физике. Не подготовился к уроку, да и вообще не подготовил ни одного из уроков, что были в тот день, а она, как назло, вызвала именно меня. Естественно тогда я ей ничего не сказал. Я очень хорошо помнил тот день. Все в классе испытующе смотрели на меня. В тот момент мне показалось, что также в древнем Риме публика смотрела на христиан, которых вот-вот должны были загрызть львы. Тогда в классе были почти все, пустовало лишь одно место. *То самое место.*

До сих пор перед мысленным взором стоит лицо учительницы, когда она ставила мне два. Она всегда, когда кто-то ей не отвечает или отвечает плохо и она ставит ему пару, делает такое лицо, будто бы ей очень не хочется этого делать, будто

бы она и рада не ставить ничего, но обстоятельства заставляют ее, святую, ставить такую оценку.

И теперь я был вынужден сидеть и ждать, когда мама придет и скажет, что пари я проиграл и теперь придется мне коковать с ней все каникулы.

Я не не любил ее. Наоборот, даже очень. Просто мне очень нравилось быть одному, наедине со своими мыслями, наедине с собой. Ощущение, что я могу делать все, что угодно и только я несу за себя ответственность приводило меня в восторг. Но в этот раз моим мечтам об одиночестве не было суждено сбыться.

Как выяснилось потом, она узнала о своем выигрыше еще в пятницу. Я был в полной уверенности, что интернет на даче не ловит или ловит плохо. Я ошибся. Ошибся я еще и в том, что *это* началось тогда. Все началось гораздо раньше...

Возможно, все началось, когда на меня, в очередной раз, напала Раиса Федоровна?

Вполне возможно.

Как она любит на меня накидываться!

II

Просыпался я безрадостно.

Когда-то какого-то известного человека спросили: «Хочется ли Вам все бросить?». Он ответил: «Вечером – очень часто, утром – никогда». Очередная вариация на тему «Утро вечера мудренее». Но то утро мудренее вечера не было. Вчерашний день казался кошмарным. Еще никогда мне не было так тошно возвращаться домой, зная, что там никого нет. Зная, что некому высказаться. Хоть мне под вечер и написало около пяти человек, задавая разные разновидности вопроса «Как ты?», легче мне не стало, я ни одному не ответил. Все-таки два потрясения за два дня – это перебор. Искренне надеюсь, что сегодня сюрпризов не будет, я пошел в ванную.

Когда, через полчаса, я накладывал себе яичницу, поедание которой по утрам стало своеобразным ритуалом, я невольно посмотрел в окно. Небо, подстать моему настроению, было серым. Это была первая облачность за последнюю неделю. «А это знак», – подумал я и усмехнулся собственным мыслям.

Заходя в класс я чувствовал себя знаменитостью. Еще никогда на меня так не глазели, как тогда. В иной день меня бы это порадовало, но не сегодня. Какой-какой, а этой славе я уж точно не был рад. Как только я сел, ко мне подкатился Марк. Он славный парень, Марк, но у него есть две отврати-

тельных привычки: он вечно сует свой нос везде, где только может и вечно пытается всем понравиться. Меня ужасно бесила его манера, когда он услышит шутку, сначала посмотреть, не засмеялся ли ближний, и только если рассмеялся тот, посмеяться самому.

– Ты как? – спросил он, заглядывая в глаза.

Впереди сидящий парень обернулся. Это был Паша Новиков. Паша принадлежал к тому типу людей, что никогда не возьмут на себя инициативу, а если ответственность за что-то на них возложат обстоятельства, то будет пытаться ее скинуть. Паша, как и многие в этом мире, принадлежал к, так называемой, «серой массе», а такие люди способны быть только тем, *кто* наблюдает, а не *за кем* наблюдают.

– Нормально, – сухо ответил я.

– Точно?

Мысленно я расчленил Марка за его деланное участие и показушное желание помочь. Справившись с собой, я ответил:

– Абсолютно. Со мной все прекрасно, – последнее слово я произнес с нажимом, давая понять Марку, что ему пора уходить.

Он пожал плечами:

– Ну ладно.

И ретировался со скоростью пули.

Первым уроком у нас была физика. Вела ее ветеран педагогического ремесла Раиса Федоровна Зойц, немка по про-

исхождению, про которую шутили, что ей «целовал ручку еще лично Эйнштейн». В тот день я ничего из уроков не подготовил. Если бы меня спросили: «А почему?» я бы, наверное, ничего не ответил. На этот вопрос ответа у меня не было. Весь вчерашний день я провел, репетируя панихиду по самому себе и грезя о загробной жизни. Я еще не оправился от того, что было позавчера и тут грянуло вчерашнее. Два сильных моральных потрясения за два дня совершенно выбили меня из колеи. Об уроках тогда я даже думать не мог.

Как только Раиса Федоровна вошла в класс, все вскочили и встали по струнке. На ее уроках всегда была железная дисциплина. Она оглядела нас и сделала знак ручкой, означающий, что всем можно сесть. Затем она посмотрела на меня и указала своим худым длинным пальцем сначала на меня, потом на доску, а сама села за свой стол. Я, чувствуя на себе взгляды абсолютно всех, как и на кануне, вышел к доске. Чувство дежа вю не покидало меня. Когда я встал у доски она сказала:

– Хасскажи нам пхо изохохные пхоцессы.

Ученики, между собой, прозвали ее картавость «немецким акцентом».

– Не помню, – ответил я вслух.

А про себя добавил: «Майн фюрер». Немецкого у нас в школе не было, но фразы типа «Хенде хох» были вшиты у нас на генетическом уровне.

– Это пхескохбно.

Несколько человек прыснули. Хоть у нее на уроках и была железная дисциплина, это не мешало ученикам тихо над ней подтрунивать. К ее акценту невозможно было привыкнуть. Она, казалось, каждый раз выбирает предложения, где бы было побольше букв «р».

– Тогда скажи нам, что называется конвекцией?

– Вид теплообмена, – сказал я первое, что взбрело в голову.

– Та-а-ак, – протянула она. – Хохошо, поясни.

– На этом мои знания заканчиваются, – ответил я.

Она села за свой стол.

– Ладно, садись.

– Два? – спросил я.

– Десять, – ответила она, не поднимая головы.

Ее лицо приняло в этот момент выражение, говорящее: «Я не хочу тебе ставить двойку, ты сам меня вынудил». Я ненавижу это ее выражение лица.

– Послушай меня и запомни на будущее, – сказала она, все так же смотря в свои записи. – У таких как ты зачастую мало что получается в жизни. В обществе таких как ты зовут неудачниками. Как по мне это не так. Ты ленивый и безответственный, запомни мои слова. Пока ты не изменишься, успехов тебе не видать.

Казалось, мне это послышалось. Так непривычно было не слышать «р» в ее исполнении, что мне показалось, что это сказала не она. Как только она закончила, мое внимание при-

влекло какое-то движение справа от меня. Денис сидел, опустив голову на руки и его спина содрогалась.

Он беззвучно хохотал.

– Мы пходолжаем ухок, – сказала Раиса Федоровна.

Возможно, все началось, когда случилась та перепалка с Денисом?

Может быть...

До сих пор не могу себе простить, что не врезал ему тогда...

III

В тот день я поднялся по будильнику. Теплый утренний свет заливал мою комнату. Я любил такой свет. Он бывает где-то через полчаса после восхода солнца. Он настолько яркий, что самая мощная лампа в моем доме, казалось, перестает светиться, когда он попадает в комнату. Под его лучами я отправился чистить зубы. Войдя в ванную, я даже слегка испугался, увидев свое опухшее лицо, с заплывшими, после вчерашнего, глазами, в зеркале. В памяти всплыли слова: «Ты не в ее вкусе. И вообще, как ты можешь нравиться девушкам?»

«Как ты можешь нравиться девушкам?»

Тряхнув головой, я отогнал эту мысль.

Позавтракал я тогда обычным холостяцким набором – яичница с колбасой. Придумать что-то более изысканное мой, еще не до конца проснувшийся, мозг не был способен. После скудного, но сытного завтрака я пошел на занятия.

У меня с детства есть одна привычка. Она не хорошая, не плохая, она просто как добавление к моему характеру. Когда я иду по улице, я не могу смотреть прямо или себе под ноги, я смотрю на людей, по сторонам, мне интересно, что происходит вокруг. Также и при входе в помещения взгляд мой сразу пробегает по всему, до чего сможет дотянуться и выхватывает детали.

В тот день мне это очень пригодилось.

Когда я входил в вестибюль нашей школы я сразу заметил пару своих одноклассников. Они стояли и о чем-то шептались. Это были Денис и Даша. Раньше я их вместе никогда не видел. Они, обычно, общались исключительно на тему уроков. По крайней мере, насколько я помню. Присутствие Даши там мне особенно не понравилось, но это были еще цветочки. Когда они увидели меня, они переглянулись и дружно прыснули. Нетрудно было догадаться, что речь, до этого момента, шла обо мне. Я прошел мимо, стараясь делать вид, что не заметил их. Они же, в свою очередь, с насмешливым интересом смотрели на меня. Я, продолжая делать вид, что не вижу их, переобулся и прошел в гардероб. Они все это время съедали меня глазами, я это чувствовал. Пройдя гардероб до половины, я максимально незаметно посмотрел себе через плечо. Они за мной не пошли.

С Денисом мы общались еще с первого класса. В начальной и в начале средней школы мы вообще дружили, а потом что-то произошло. В жизни человека бывает такое, когда Вы с другом или приятелем проходите мимо друг друга по коридору, смотрите друг другу в глаза и понимаете, что здороваться Вы не собираетесь, и вообще с этого момента контакт между Вами обрывается. Вот и у нас произошло точно также. Но теперь, видимо, он был за что-то на меня обижен или, в этом я был уверен намного больше, его накрутила Даша. А у нее со мной старые счеты.

Все было спокойно до шестого урока.

По расписанию шестой, то есть последней, у нас была литература. Мы, как обычно, всем скопом, пришли на урок. Наш учитель, Рудольф Иннокентиевич, как всегда, разрешил войти еще до звонка. Кроме него так никто не делал. Мы расселись и класс наполнил привычный гомон, который всегда возникает, если ученикам в классе дать волю. Но вдруг, сквозь весь этот шум, я расслышал свое имя. Кто-то справа настойчиво пытался до меня докричаться. Я повернулся. Там сидел Денис и смотрел на меня с тем же, ухмыляющимся лицом, что было у него утром. Он сказал:

– Слушай, помоги мне, пожалуйста.

Он сказал это, не меняя выражения лица. Такой контраст еще больше уверил меня, что грядет что-то очень неприятное, но я все же ответил:

– С чем?

Он слегка качнул головой.

– Да тут один друг попросил для него стих написать...

Меня как ударили. У меня упало сердце от этой фразы. Так вот о чем они разговаривали с Дашей утром...

– Ты же у нас стихотворец, – и он, не выдержав, прыснул.

Изнутри меня разрывало. Разрывало чувство обиды и стыда. И злости. Злости не на Дениса, не на Дашу, а на себя самого. Злости за то, что за все свои прожитые на свете годы не научился разбираться в людях, что не научился судить о человеке не по внешности. А тем временем Денис,

просмеявшись, краем глаза я увидел, что на нас глазают уже несколько человек, продолжал:

– Как там у тебя было?

И он начал цитировать мой стишок:

– *Твои глаза, как свет луны*

Они так красотой полны

Очарованьем снабжены

Не зря они тебе даны!

Он произносил это с интонацией ветерана диспетчерской службы, чей голос к старости стал надтреснутым и слабым. На него смотрел уже весь класс. Когда он закончил, большая часть смотрящих засмеялась. Я опустил голову и закрыл глаза. Я чувствовал, как растворяюсь в этом смехе полностью. Все мои надежды на то, что мои стишки не так уж и плохи, рушились прямо на моих глазах.

– Рудольф Иннокентиевич, – вдруг крикнула Даша, перебивая голосом всеобщий смех. – А какой это размер?

Я не видел их. Я положил правую руку на парту, а на нее опустил голову, не открывая глаз. В таком положении я их и слушал. Несколько секунд Рудольф Иннокентиевич не отвечал, потом сказал:

– Судя по тому, что я услышал, это ямб. Да, точно ямб. Денис, ты сам это написал?

Взрыв смеха.

– Нет, конечно!

Вздых облегчения.

– Очень хорошо, а то я уж испугался.

Новый взрыв смеха.

– Если ты начал писать стихи, то небо должно скоро не землю упасть!

Теперь засмеялся не только Денис.

– А если серьезно, чьё творение это было?

– А вон, его.

Я почувствовал, как на меня уставились все, кто был тогда в классе. Это продолжалось где-то с полминуты, потом, в тишине, прозвучал голос Рудольфа Иннокентиевича:

– Денис, это подло...

– А что я? – взвился Денис. – Это вон, она...

Послышался глухой удар. Денис охнул.

После этого воцарилось молчание.

Оно продолжалось, казалось, целую вечность. Тогда я не выдержал. Я поднял голову, не обращая внимания ни на кого, быстро сложил все вещи в сумку и выбежал из класса. В след мне донеслись слова Даши: «Ой, ой, ой, Вы только посмотрите – наша королева плачет!». Но этот крик потонул в реве звонка, призывающего всех идти на урок.

Надо смотреть еще раньше.

Возможно, все началось, когда я решил начать встречать-

ся с Леной?

Скорее всего да...

Это, наверное, самая большая ошибка в моей жизни.

IV

Все началось очень давно, три года назад. Тогда к нам в класс пришла новая девчонка. Вообще, надо сказать, что их пришло несколько – одна четыре года назад, другая три, а еще одна два года назад. Получается каждый год по новенькой. Но Лена была особенной. В ее внешности мало кто видел Джоконду и я не хочу сказать, что она была некрасивая, напротив, даже очень красивая, просто из моих знакомых никто к ней симпатии не проявлял. На самом деле я даже самому себе не признавался в том, что она мне нравится. Какая-то глубинная часть моего подсознания это понимала, но она была слишком глубоко, чтобы донести это до других. Так и таил я в себе тихую робкую симпатию к этой барышне. А она, подобно цветку, распускающемуся медленно, постепенно, хорошела с каждым годом. Так бы и продолжалось до окончания школы: она хорошеет, а я тихо наслаждаюсь ее созерцанием. Но в этом году что-то случилось. Я и сам не совсем понимаю, что именно, вот только я не мог больше скрывать свои чувства к этой особе. Я чувствовал, что еще чуть-чуть и меня просто разорвет.

Я решил не просто сказать ей о том, что она мне нравится, я решил написать ей стихи. Но, так как опыта в стихосложении у меня не было, помучиться пришлось долго. У меня была проблема всех начинающих поэтов (по крайней мере,

мне так казалось тогда) – первые две строки четверостишия были готовы, а вторые две никак не лезли в голову. Еще же надо было придумать такие, которые бы не сбили ритм и, одновременно, были в рифму. В итоге вышли кривые, несуразные, но казавшиеся мне тогда совершенством строки:

*«Давно сказать тебе хотел,
О том, что нравишься мне очень
Стрелюю между других тел
Был выстрел купидона точен»*

Выводил я это ночью, было уже полтретьего, но я, несмотря на это, сразу отправил их ей. Мне в голову начали забираться мысли, впервые появившиеся, еще когда я только решил написание стихов. Мне стало представляться, как мы с ней гуляем всю ночь до самого утра, как целуемся на крыше, как она обращается ко мне за помощью, когда что-то случится. «Наверное, так у всех влюбленных людей бывает», – подумал я. Тут мне в голову пришла гениальная, как мне показалось, идея. Но для ее реализации было уже слишком поздно, надо было ждать до завтра. Памятуя о том, что во сне время течет быстрее, я отвернулся к стенке и закрыл глаза.

Когда мама меня растолкала утром, я хотел было ей сказать о том, о чем подумал ночью, но она ответила, что «опаздывает» и что «мы поговорим вечером».

Тем днем Лены не было в школе.

Из нашего класса дружила она только с Дашей, а к ней

за помощью я обращаться бы не стал даже под дулом пистолета. Писать Лене я не хотел, не хотелось портить картину. Все-таки стих без дополнений смотрелся лучше, чем вместе с банальным вопросом: «Как ты?».

Вернувшись домой, я обнаружил, что мама уже пришла. Видимо, их раньше отпустили. У мамы на работе график не нормированный, поэтому приходит она в разное время, хоть и уходит всегда в одно и то же. И наотрез отказывается говорить, где она работает. Вспомнив, что положило меня ночью я подошел к ней и сказал:

– Мам, скажи, только честно – ты считаешь меня взрослым человеком?

После нашего десятиминутного разговора я, довольный, пошел к себе в комнату. Планы у меня были наполеоновские. И основывались все эти планы на том, что Лена согласится со мной встречаться. Сделать она это должна, по плану, в эти выходные, а следующая неделя должна стать эдаким медовым месяцем. В квартире никого, кроме меня не будет целую неделю, поэтому открывается огромный простор для воображения.

«Если, конечно, она скажет «Да»».

Эта мысль не давала мне покоя. С одной стороны – у меня такой план, как она может не согласится? С другой – эти планы, как и все наши прогулки, поцелуи и так далее существуют лишь у меня в голове. Она о них не знает, ей они до

лампочки. Но я отгонял эти мысли как мог.

В раздумьях и мечтаниях я провел весь остаток дня. К вечеру мама заявила, что уедет завтра же. Меня это забеспокоило – не обидел ли я ее?

– Нет, – ответила она, когда я спросил. – Просто я и сама хотела поехать туда. Звонила соседка, сказала, что слышала у нас в доме странные звуки. А сама она зайти к нам боится.

Я невольно улыбнулся. У меня сразу отлегло от сердца, когда она сказала, что не я причина отъезда.

Все выходные я провел за мечтами о лучшей жизни бок о бок с Леной. Я все придумывал разные ситуации, в которых она может оказаться, а я ее доблестно спасу. Я представлял как, например, ее в переулке застали врасплох несколько гопников, а я появляюсь из темноты ночи и раскидываю их как Жан-Клод Ван Дам в старом фильме. Или же как мы вместе с ней встречаем рассвет на мосту.

Недалеко от моего дома был мост, соединяющий два района города. Лет пятьдесят назад его не было и я не представляю, как люди перемещались из одного района в другой. А сейчас это очень удобно: мост автомобильный, но в нем есть пешеходная зона, что делает его удобным вдвойне. Лично мне он очень нравится, этот мост. Вид, открывающийся с него, мне напоминает кадр из хеппи-энда какого-нибудь фильма. А я себя чувствую главным героем. Порой, когда я нахожу в каких-нибудь подборках понравившуюся мне песню, у меня в голове сразу возникает мысль – она должна иг-

рать на мосту. И тогда у хеппи-энда появляется саундтрек.

Вечером воскресенья меня мандражило. Последний раз у меня такое чувство было, когда я впервые устраивался на работу летом, и боялся произвести негативное впечатление. Я тогда не спал полночи перед первым рабочим днем. Сейчас это было недопустимо. Мне нужно было выспаться. Но уснуть мне не давали страшные картины того, *что* могло бы случиться завтра. Одолеваемый этими образами я мало-помалу заснул.

Проснулся я в прекрасном расположении духа, хоть и немного проспал. На место вчерашнего мандража пришло чувство, которое возникает у тренера футбольной команды, которая взяла чемпионат мира и он, после этого идет к ним в раздевалку. Чувство победителя.

С этим чувством я и пошел в школу. Пришел я к третьему уроку и, зайдя в класс, мои глаза лихорадочно искали, среди прочих, одно лицо. Но его не оказалось. Дело в том, что Лена еще в прошлый четверг написала в группу класса, что она заболела. Я искренне надеялся, что к сегодняшнему дню она уже выздоровеет, особенно если учесть, что мой тогдашний стишок она прочитала. Это я знал точно: за пять лет пользования этой соц.сетью волей-неволей научишься понимать, когда твои сообщения прочитаны, а когда нет.

Но чуда не произошло.

Придя домой после уроков, я обнаружил, что запал мой поугас. Меня стало меньше интересовать, что случилось с

Леной. Одежло внимания на себя перетащили домашние задания. Их в тот день было и впрямь очень много.

Не обнаружив ее в школе и во вторник, я забеспокоился. За пять дней, при желании, можно спокойно вылечиться, а ее нет уже целых шесть. У нее же обычная простуда, как с простудой можно лежать шесть дней?

Под тяжестью этих мыслей я решил действовать. И, если не помочь ей выздороветь, то точно поднять настроение. В этот раз стишок уже как будто сам ложился на лист:

«Твои глаза, как свет луны

Они так красотой полны

Очарованьем снабжены

Не зря они тебе даны!»

По обыкновению, только написав, я его тут же отправил.

Но в этот раз она ответила.

Она ответила не на этот стишок, а на предыдущий, где говорилось, что она мне нравится. Ответом был маленький вопрос: «Давай обсудим это при встрече?». Меня холодный пот прошиб, когда я это прочитал. Я сразу же ответил: «Конечно». И на этом наша тогдашняя переписка закончилась. Но последствия ее я никак не мог предугадать.

Половину следующего дня я не помнил, потому что чувство эйфории после вчерашнего затмило собой все, что только можно. Я не помнил только половину, поскольку вторая половина запомнилась мне на всю оставшуюся жизнь. Тогда пустовало не только место Лены, но и соседнее. Она на

всех уроках сидела с Дашей, своей единственной подругой в классе. Но сегодня не было и ее. Сначала меня это даже обрадовало. Когда не было Даши, это значило, что этот день не так уж и плох. Но счастье было недолгим. Она пришла уже к четвертому уроку. Я ее давно такой не видел: лицо перекосило, глаза бешено вращаются в глазницах и бегают по классу, выискивая кого-то. Я моментально догадался, *кого* она ищет, хоть тогда и не понял, почему. Она уставилась на меня своими безумными глазами и мотнула головой в сторону двери. Я вопросительно поднял бровь, но она отвернулась и вышла. Подождав с секунду я вышел за ней.

Все случилось очень быстро.

Как только я вышел, она схватила меня за грудки и прижала к стене. Я никогда, до сих пор, не замечал в ней такой силы! Сквозь плотно сжатые зубы она проговорила:

– Значит так, ублюдок, слушай внимательно, повторять не буду. Если ты еще раз прийдешь Лене свои говенные стихи, то по кнопкам тыкать будет нечем. И вообще, ты не в ее вкусе, – она оглядела меня с презрением. – Как ты вообще можешь нравиться девушкам?

После этого я много думал о ее словах. По большому счету угроза была пустяковая, так, сказала для того, чтобы сказать. Но в тот момент важно было то, *как* она это сказала. Глаза, идеально круглые смотрели на меня с расстояния пятнадцати сантиметров с выражением лютой ненависти. После того, как она меня отпустила и я, на негнущихся ногах за-

шел обратно в класс, я обнаружил на своей рубашке капельки слюны.

С этого-то все и началось.

А если вспомнить, к чему это привело...

V

В тот день, до определенного момента, не произошло ровным счетом ничего необычного.

Этот определенный момент случился на четвертом уроке, когда в класс, ко всеобщему удивлению, вошла Лена. Она оглядела всех, одарила меня сияющей улыбкой, от которой я похолодел и направилась к своему месту. Тогда это была физика, до сих пор помню, как Раиса Федоровна сказала: «Посмотрите, в нашем полку пхибыло!».

После урока, когда мы шли к кабинету, где должен был быть следующий, Лена остановила меня и поманила в угол, подальше от всех. Краем глаза я поймал на себе взгляд Даши. В нем было обычное презрение смешанное с недоверием. Никакой ненависти.

Я пошел вслед за Леной в угол. Видно было, что она хочет сказать что-то, чего ей говорить совсем не хочется. Она мялась, переминалась с ноги на ногу. Но, в конце концов, она начала:

– Я слышала, у Вас была ссора с Дашей, – я прикрыл глаза на секунду. Не самые приятные воспоминания. – Я хочу, чтобы ты знал. Это не я ее попросила, она сама.

– Сама? – переспросил я.

В тот момент я чувствовал, как вера в человечество потихоньку возвращается. В день, когда на меня напала Даша, я

не мог ничем заняться – все валилось из рук. После такого потрясения я не мог ни на чем сосредоточиться. И все никак не мог понять: как я мог так ошибиться? Я думал, что Лена нормальная, порядочная девушка. А выяснилось, что ей не хватает решимости даже написать мне о том, что ничего не выйдет, нужно подсылать свою полусумасшедшую подругу, чтобы она мне это сказала.

Теперь чувство обиды поутихло.

– Да, сама, – кивнула Лена. – У нее на тебя жуткий зуб. Ты правда за ней бегал?

Я опешил. Такую формулировку относительно произошедшего с Дашей я еще не слышал.

– Было дело, – кивнул я. – Мы тогда с ней ходили на один литературный кружок вместе. Я там был единственный парень, а кроме меня были еще три девчонки: Алена, Лиза и Даша. Понимаешь, мне там очень нравилось, вот только я не сразу понял, что мне нравится весь коллектив целиком.

Она понимающе кивнула.

– И ты сказал Даше, что она тебе нравится, имея ввиду весь коллектив? – спросила она.

– Да, – ответил я.

– И она с тех пор на тебя обижена?

– Я бы это обидой не назвал. Я бы это вообще никак не назвал. Она просто в один момент стала относиться ко мне с презрением и говорить в третьем лице.

Она вопросительно посмотрела на меня.

– Он, – ответил я. – Больше она меня никак не называет.

– А ты как к этому относишься?

– Как нам говожила Хаиса Федоховна – сила действия хав-на силе пхотиводействия, – сказал я, подражая манере разговора Раисы Федоровны.

Она улыбнулась.

– Тогда понятно, почему она так разозлилась.

Мною вдруг завладело недоверие.

– А ты ей стишки показывала? – с недоверием спросил я.

– Нет, стихи она не видела, – ответила она.

По ее глазам было видно, что правды в ее словах не было ни капли.

И тут меня понесло.

– Тогда как Денис мог их читать при всех, а? Я же сам видел, как они хихикали с утра в вестибюле!

Она потупилась.

– Ну да, я показала. А на что ты еще рассчитывал?

Я отшатнулся. Эту фразу я боялся от нее услышать больше всего. Боялся потому, что эта мысль была и у меня. «А на что ты рассчитывал?».

– Понятно, – ответил я и пошел прочь.

Она звала меня, что-то кричала в спину. Но я ее не слышал. Все выходило так, что я сам был виной всех своих проблем. Если бы я тогда не написал тот чертов стишок, то Лена бы его не прочла, не показала бы его Даше, та не обозлилась бы на меня пуще прежнего, и не пошла бы к Денису. Они не

начали бы меня травить, это бы не вышибло меня из колеи, и я нормально бы подготовился к уроку в пятницу! Мне вдруг вспомнился эпизод из детства: я бросаю камешек в пруд, что был у нашего дома. Я хорошо помнил, как камень, с характерным «бульк» погрузился в воду и как от него потом расходились волны до самого берега.

Но в тот день это было еще не самое страшное.

Я весь день, после того разговора, ходил, будто бы «не в своей тарелке». В голове билась, вызывая жуткую мигрень одна и та же назойливая мысль: «А на что ты еще рассчитывал?». Ни о чем другом я думать не мог. Отсидев оставшиеся два урока я, как и всегда, пошел на первый этаж, переобулся и направился к выходу. Прямо передо мной в дверь выходила Лена. Я сразу узнал ее и отвел взгляд. Как только она вышла на крыльцо, то тут же кинулась в объятия к парню, что там стоял и, видимо, ждал ее. Конечно, у нее есть парень! А как ему не быть? Красивых девушек без парня, обычно, не бывает. А о том, чтобы ее у него отбить, мне даже думать нельзя – шансы не то, что отсутствуют, они отрицательные! Это был незнакомый мне рослый паренек, который, судя по всему, не брезговал регулярными походами в зал. Оторвавшись друг от друга, они посмотрели друг другу в глаза. Для меня все это происходило будто в замедленной съемке.

– Помнишь, как там было, – сказал парень. – Твои глаза, как свет луны, очарованьем снабжены, как там дальше?

Лена вдруг нервно дернулась и оглянулась по сторонам.

Когда она увидела меня, глаза ее округлились. Я безразлично посмотрел на нее.

«А на что ты еще рассчитывал?»

Понуриив голову, я пошел домой.

Обычно, когда в жизни случается что-то плохое и я, после этого, иду домой, мой мозг пытается думать о чем-то хорошем. Так получается всегда. Всегда, кроме сегодняшнего дня. Сегодня о хорошем размышлять просто не получалось. Как я не бился, я не мог найти темы, где бы у меня было все хорошо. Хотя нет, была одна тема, которая могла меня приободрить. Я только подумал о ней и она сразу вылетела у меня из головы.

Когда я вошел, мною овладело знакомое, но, в то же время ненавистное чувство страха. Этот страх был тем, что возникает, когда ждешь чего-то страшного, но уже ничего не в силах изменить. Это чувство усиливалось той печальной безысходностью, что я сейчас ощущал. Через несколько секунд я вспомнил Раису Федоровну и понял, что этим вечером мне добавится проблем. Я уже представлял, какой скандал мне устроит мама, когда заглянет в электронный дневник. Мне невдомек тогда было, что она *уже* в курсе всех моих учебных прегрешений.

Вечером меня мандражило также, как и неделю назад, когда я отправлял Лене свой первый стишок. Пиликнул домофон. Я поспешно направился к двери, открыл замок и отошел на пару метров. Судя по маминому лицу, когда она вхо-

дила домой, настроение у нее было прекрасное. Мне сразу стало тошно, как только я представил, как выражение ее лица поменяется, когда я ей скажу, что случилось вчера.

– Привет, – сказал я, пытаюсь говорить непринужденно.

– Привет, – ответила она. – У тебя мама как Юлий Цезарь. пришла, увидела и вспомнила, что победила.

Несколько секунд в коридоре царило молчание.

– Так, помогите государю-императору затащить баулы, – сказала она.

– Ты к чему про Цезаря сказала? – спросил я, помогая ей затащить сумки.

– А то, что мы с тобой, мой милый, будем вместе все ка-никулы.

– Как ты узнала?

– А ты думаешь, мать в каменном веке застряла? Я каждый день твой дневник смотрела.

Я как-то сразу приободрился. Мне стало легче от избавления от необходимости ей все рассказывать.

– Но это не значит, что ты перестаешь быть безответственным чукчей!

– Почему чукчей-то? – обиженно спросил я.

В ее тоне чувствовалось, что она говорит шутя.

– Потому что не подготовился к физике.

– Там и это высвечивается?

Она кивнула.

– Конечно, Раиса Федоровна не поленилась и оставила к

отметке комментариев, что ты «Не соизволил подготовиться к уроку».

Я виновато опустил голову.

– Что были за звуки на даче? – сказал я, переводя тему.

Она отмахнулась:

– Да так, мыши, а ты не заговаривай мне зубы и иди к себе в комнату, – сказала она, но уже серьезно.

Я посмотрел на нее. Она глядела на меня с укоризной.

– Иди к себе и учи физику.

«А на что ты еще рассчитывал?»

Я и правда отправился в свою комнату, взял с полки учебник физики за десятый класс и открыл параграф, посвященный термодинамике. Прочитав определение изохорного процесса, затем изотермического я осознал, что мои веки слипаются. На самом деле физику я любил, мне этот предмет очень нравился, вот только отношения с учителем не заладились и поэтому выше тройки я никогда не получал. А сейчас спать я хотел скорее из-за того, что день был уж очень суматошный, а не из-за физики. Я посмотрел на часы, висящие на стене. Было девять часов и шестнадцать минут. Я решил, что лечь спать сейчас – лучшее решение всех проблем. Я отложил учебник, выключил свет и забрался под одеяло. Уснул не сразу, сначала я просто лежал и ни о чем не думал. Через некоторое время в комнату зашла мама.

– Ты чего? Переутомился?

Я ничего не ответил.

Казалось бы, это было всего лишь позавчера, а по ощущениям прошло не меньше месяца.

VI

Проспал я тогда часов двадцать. Когда поднялся, на часах было уже шесть вечера. Когда я встал, у меня, почему-то, было чувство незаконченного дела. Как будто я хотел что-то сделать, но забыл что именно. С этим чувством я встал и направился в ванную. Я даже не сразу почувял запах копченого мяса, шедший из кухни. Когда я открыл воду, с кухни послышался мамин голос:

– Наконец-то ты встал! Я уже начала волноваться!

У меня не было сил и желания ей что-то отвечать. Я подумал, что теперь понимаю, как себя чувствует мешок, когда из него вытряхнут все содержимое. Мною владела какая-то опустошенность и полная апатия. Я не хотел что бы то ни было делать.

Я взглянул в зеркало.

Оттуда на меня смотрело опухшее лицо с глазами-щелками. Вот что бывает, когда спишь слишком долго, а тем более днем.

«А на что ты рассчитывал?»

В голове вновь появилась назойливая мысль. Я чувствовал, что уже не могу ей противиться и она завладевает мною полностью. Мне вспомнился пятничный урок физики.

«Ты ленивый и безответственный»

«В обществе таких как ты зовут неудачниками»

«Как ты вообще можешь нравиться девушкам?»

К голосу Раисы Федоровны добавился голос Даши. У человека в зеркале глаза наполнились слезами. Я почувствовал, как зрение мне заволочла пелена.

«Ой, ой, ой, Вы только посмотрите! Наша королева плачет!»

Дверь скрипнула и открылась. Послышался голос мамы:
– Ты чего здесь? Опять уснул?

Я поспешно сделал вид, будто умываюсь. Не знаю, увидела ли она мои слезы. Даже если так, мне уже все равно.

После водных процедур я вернулся в свою комнату, по дороге продолжая печальные размышления. Девушки у меня нет и быть не может, я видел, какие парни им нравятся – я на таких не похож ни на йоту. С учебой у меня завал, одна физика чего стоит. С учителями я общего языка не нахожу, Раиса Федоровна тому пример. Друзей у меня тоже особо...

Тут меня осенило.

Я вспомнил, что хотел сделать и что это была за навязчивая идея, привязавшаяся ко мне после школы. Я стремглав побежал в свою комнату. Вбежав, я лихорадочно осмотрел все горизонтальные поверхности в поисках телефона. На кровати его не было, на столе тоже. Точно! Я его оставил в кармане брюк, когда вернулся. Я подбежал и выхватил его из переднего кармана.

В моей памяти всплыл эпизод, когда в четверг, после дебюта моего стишка на публике, пусть и не моими устами, мне

написали несколько человек, чтобы узнать, как я. Помнится мне, их было не меньше пяти, а значит, что друзья у меня все же имеются. Разблокировав телефон и зайдя в соц.сеть я посмотрел список сообщений. Вот те, что были в четверг. Странно... Тогда мне написали Марк и Женя. Оба сообщения я оставил непрочитанными. Марк и впрямь спрашивал как я, а вот Женя интересовался, как я решил пятую задачу по алгебре.

Я так и сел.

В попытках воспроизвести в памяти события того дня я вспомнил, что действительно тогда получил сообщение от Марка. Я тогда еще очень этому обрадовался, мне тогда это помогло. Помогло чувствовать себя не таким уж никчемным. Тогда, после того происшествия с Денисом мне казалось, что все были против меня. А если и не все, то подавляющее большинство. А оставшимся попросту наплевать, они посмотрели на это и тут же забыли. В тот день я очень долго думал об этом сообщении, видимо поэтому в моем мозгу оно и превратилось из одного в пять.

Значит реальность такова, что кроме лизоблюда Марка у меня вообще нет друзей?

Это меня добило.

Последняя надежда, последняя ниточка надежды была только что оборвана и утеряна. Я открыл поисковик и ввел запрос: «Открытые крыши». Полистав список, я выбрал ту, что находится недалеко от моего дома, буквально полквар-

тала. На сайте даже очень любезно был прикреплен код от парадной. Я уже все решил и ничто не могло мне помешать. Тем более ничто не могло меня переубедить, ведь все было и так ясно. Ни девушки, ни друзей, ни увлечений. Миру такой как я был не нужен.

Подумав об увлечениях, мне вспомнился наш литературный кружок. Там всегда было очень весело, это был не столько литературный, сколько кружок по интересам. Каждый рассказывал какие-то истории, в основном это делал Рудольф Иннокентиевич, который и вел этот кружок. Иногда кто-то приносил свои рассказы, а однажды Алена даже принесла стихи. Они были длинные, но мне запомнилось одно четверостишие:

*«Бьёт ветер по щекам упорно
Передо мной лишь пустота
Снуют машины лишь проворно
Шагнуть мне надо лишь туда»*

Рудольф Иннокентиевич тогда сказал, что для первого раза неплохо и поинтересовался фамилией Алены. Когда она назвала ее он удивился, что фамилия у нее не Лоханкина. Я и Даша тогда засмеялись. Мы поняли, что он имеет ввиду. Он подмигнул нам, а Алене и Лизе сказал, что в «Золотом теленке» Ильфа и Петрова был герой по имени Васисуалий Лоханкин, который сочинял стихи ямбом, прямо как Алена. Он тогда еще спросил у нее, о чем это стихотворение. Она его назвала «Песнь Смертника». Она сказала, что о са-

моубийце, который стоит на краю крыши и готовится прыгать. Перед тем, как шагнуть в неизвестность он вспоминает, как все начиналось, что к этому привело. Рудольф Иннокентиевич тогда ее похвалил и сказал, что тема нестандартная и, в целом, стихотворение хорошо написано.

Я вдруг заволновался. Чувство было такое, будто я собирался сделать что-то крайне важное и боялся оплошать. Короче говоря, меня снова мандражило. Я пошел, накинул куртку и надел кроссовки. Мама вышла из кухни.

– Ты куда это?

– Я выйду свежим воздухом подышать, – ответил я, тяжело дыша.

Она настороженно взгляделась в мое лицо.

«А на что ты еще рассчитывал?»

– С тобой все в порядке? – спросила она все также настороженно.

Я натужно улыбнулся.

– Все прекрасно.

– Сынок, что случилось? – осведомилась она.

– Все нормально, – сквозь зубы прорычал я.

Меньше всего мне сейчас хотелось рассказывать, что случилось. Она молчала и все так же смотрела на меня. Так смотрят на неведомое животное, опасаясь, что оно сейчас кинется.

– Только недолго, – сказала она, наконец.

Я выскочил из дома. Спустившись на лифте я вышел

на улицу. На меня пахнуло свежим вечерним воздухом. Я вздохнул полной грудью и мне в нос ударил знакомый приятный запах – запах вечера. Такой запах хорошо знаком тем, кто любит гулять допоздна. Этот запах не передать словами, но если ты узнал его один раз, то он запомнится тебе навсегда.

Но в тот момент даже этот запах не мог меня остановить. В это время года солнце садится поздно, поэтому моя дорога до нужного здания прекрасно освещалась. А в голове все билась строчка:

*«Бьёт ветер по щекам упорно
Передо мной лишь пустота
Снуют машины лишь проворно
Шагнуть мне надо лишь туда»*

Я представил, что сказала бы Даша, узнай она о моем намерении.

*«И наплевать. Ты это сделаешь, и никто не заплачет,
уж поверь»*

Я свернул под арку двора. Это был тот самый двор. Нужная мне парадная была слева. Во дворе, как и во многих похожих дворах, была детская площадка. На ней играли дети. Много детей. Но вместо привычного радостного гомона, воздух наполнял крик боли. Видимо какой-то малыш упал с карусели или получил по лбу качелей. Я не обратил на это ни малейшего внимания. Я подошел к подъезду. У двери стояла бабушка, она как раз прислоняла ключ к домофону. Раздал-

ся характерный звук и дверь открылась. Она оглянулась, посмотрела на меня. Я, чувствуя как ноги начинают подкашиваться, оттолкнув ее и распахнув дверь влетел в парадную. Я буквально взмыл по лестнице и подбежал к лифту. Трясущимся пальцем я не сразу попал по кнопке вызове лифта. Но услышав, что старушка вошла в подъезд и начинает медленно подниматься по лестнице, я забарабанил по ней как сумасшедший. Благо, лифт был на первом этаже и двери его сразу же разъехались, приглашая войти. Я во мгновение ока оказался внутри и нажал на кнопку последнего этажа. Двери закрылись и лифт, не спеша, тронулся.

Когда двери закрылись, я почувствовал легкое облегчение, что не придется делить четыре квадратных метра лифта с этой бабушкой. Ноги вдруг начали подгибаться, и я был вынужден опереться о стену, чтобы не упасть. Мало-помалу дыхание мое стало приходить в норму, мне удалось немного успокоиться. Но как только кабина остановилась, на меня снова напала нервозность. Я вышел из лифта и подошел к лестнице, ведущей на крышу. В моих движениях чувствовалась резкость, не присущая им доселе. Но, в тот момент это меня мало интересовало.

Я подошел к лестнице и начал взбираться по ней. Дверь, ограждающая начало лестницы от ее завершения, как и в моей парадной, была закрыта. На какую-то секунду я понадеялся, что она окажется заперта.

«Тогда найду другую», – перебил я сам себя. – «Жить мне

уже не за чем».

Но мои надежды не оправдались. Дверь легко поддавалась, когда я потянул ее на себя. Тогда я продолжил карабкаться вверх. Ступенька за ступенькой, я приближался к свету, падающему на меня сверху. Когда я поднялся и почувствовал под ногами твердую гладкую поверхность пола, пришедшую на смену рифленым ступенькам, я почувствовал, что моя нервозность удвоилась. Теперь меня не просто трясло, но колотило, как никогда прежде.

Удивительно, но когда я вышел на крышу и на меня пахнуло свежим воздухом я моментально успокоился. Осталось лишь тупое безразличие. Видимо, мозг понял, что волноваться бессмысленно, и стал воспринимать *это* как прием таблетки: чем быстрее, тем лучше. Я подошел к краю, и взобрался на барьер, отделяющий крышу от пустоты.

*«Бьет ветер по щекам упорно,
Передо мной лишь пустота...»*

Вот только машин нет. Я стоял на стороне, обращенной во двор. В тот день ветра почти не было, но это если ты стоишь на земле. А здесь, на высоте девятого этажа, ветер чувствовался более чем ощутимо.

С чего все началось?

Возможно, все началось в субботу, когда я поссорился с мамой?

Нет.

«Ответственный и взрослый человек»...

Про кого угодно, но только не про меня.

Когда на меня, в очередной раз, напала Раиса Федоровна? Вполне возможно, но тоже мимо.

«У таких как ты зачастую мало что получается в жизни»

«В обществе таких как ты зовут неудачниками»

Когда случилась та перепалка с Денисом?

Может быть... Но нет.

«Ой, ой, ой, Вы только посмотрите! Наша королева плачет!»

Мои глаза и правда наполнились слезами. Я смахнул их и они унеслись в бесконечность.

Когда я решил начать встречаться с Леной?

С этого-то все и началось.

«Как ты вообще можешь нравиться девушкам?»

Перед глазами пронеслась вереница образов: Раиса Федоровна, не поднимая головы рассказывающая, кто я такой, Денис, тихо хохочущий в это время, Денис и Даша, смеющиеся надо мной в вестибюле, озлобленное лицо Даши, прижимающей меня к стене в рекреации, Лена, кидающаяся в объятия к незнакомому парню...

Я посмотрел вниз.

«Шагнуть мне надо лишь туда»

Почему-то мне захотелось это сделать, как в кино. Я развернулся, расправил руки, закрыл глаза и опустился в неизвестность.

Толчки

Часть первая Толчки

I

Моя жизнь не имеет смысла.

К этому неутешительному выводу я пришел, когда шел домой. Наверное, со стороны кажется, что из уст подростка это звучит крайне нелепо, но это не мешает мне делать такие выводы. В тот момент мне казалось странной только одна вещь: почему к этому выводу я пришел только сейчас? Я топчу эту землю вот уже пятнадцать лет, а об идиотичности своей жизни подумал лишь сегодня?

Я представил, как со мной это часто бывает, что то, о чем я сейчас подумал, я рассказываю какому-нибудь знакомому в виде шутки. Скорее всего, эта хохма имела бы большой успех: «Человек в пятнадцать лет думает, что жизнь не имеет смысла и задумывается о бренности бытия». Смешно, не правда ли?

Криво усмехнувшись, я продолжил путь, глядя себе под

ноги. Но как бы там ни было, когда я несколько минут назад критически оглядел окружающие меня строения, я ужаснулся. Я живу да и, скорее всего, умру, в окружении пятиэтажек и частной застройки! В этом городе, с уродским названием Хеймсфальск, других построек нет!

Это название было ему присвоено не то в XVII, не то в XVIII веке, никто точно не знает. Самому же городу, по моему, полтысячи лет. Когда-то он был всего лишь небольшим поселением рыбаков (город стоял на реке Итра), продававшим свой улов в близлежащий город Золгород, который раньше назывался Каменнозёрск. Постепенно поселение разрасталось и, со временем, превратилось в небольшой городок. А статус города получил лишь через двести лет.

Но я отвлекся. Сейчас, хоть город когда-то пользовался популярностью и был центром всеобщего притяжения, он стал просто одним из многих небольших городов, которые не видно на карте. В нашем городе было чуть больше шестидесяти тысяч жителей – слишком мало для мегаполиса, но слишком много для деревни. Город жил лишь за счет рыбокомбината, да окраинного молокозавода. По крайней мере, это то, о чем я знал.

Я прошел мимо Тика. Он не обратил на меня внимания, потому что попросту не знал меня. Но вот я про него знал все. Как и все в этом городе.

Тик – это, конечно, не его настоящее имя. Но то, что написано в его паспорте уже давно было забыто и заменилось

прозвищем Тик. В нашем городе он появился совершенно внезапно, как и его «банда». Стоило им очутиться в нашем городе, как о них сразу же узнали все, а все потому, что Тик и его дружки были байкерами и не представляли жизни без своих железных коней. И, что примечательно, они не ставили глушители на свои мотоциклы. То есть, если кто-то из их «банды» ехал по улице, то его слышал весь район. Тик и его ребята осели у нас недавно, лет пять назад. Просто заехали и решили остаться. По городу поползли слухи, что они купили двушку недалеко от центра и живут там все вместе. Представить, что шесть тридцатилетних мужиков живут в тесной квартирке, было довольно сложно, но опровергать эти сплетни пока никто не собирался. Члены «банды» Тика не были стереотипными байкерами – здоровенными мужиками с бородой, не снимающими с себя кожаной одежды и берцев. Это были обычные парни, которые, при желании, легко смогут затеряться в толпе. Но Тик выделялся из этой компании. Ему всегда хотелось выделиться, сделать так, чтобы человек, бегло оглядывающий их сборище, задержал на нем взгляд. И сейчас он стоял, опершись на свой красный «Ducati», в расстегнутой черной ветровке из-под которой виднелась белая футболка, в джинсах и белых кроссовках. Он то и дело оглядывался, выискивая своими, спрятанными под зеркальные солнечные очки, глазами кого-то. Левую руку он положил на мотоцикл так, что рукав ветровки задрался и было видно часы. Зная Тика, это были «Rolex» или типа того. В часах я

не силен, но эти прямо-таки кричали: «Посмотри на меня! Ведь за обладание мной выложили тучу денег!».

Оставив Тика позади, я пошел дальше. Уже приближаясь к своему дому, я, проходя мимо компании незнакомых мне парней, услышал:

– Видел мажора? – сказал один.

Они курили, стоя в кругу. В центре уже образовалась лужица из плевков.

– Ага, – ответил другой и затянулся.

Он выдохнул дым, харкнул и добавил:

– Одни котлы чего стоят.

– Да там одни котлы только чего-то и стоят, – ответил третий и вся компания засмеялась.

Я, усмехнувшись, ведь шутка и меня позабавила, пошел дальше.

Стоя у подъезда и копаясь в карманах в поиске ключей, я задумался, а почему, собственно, моя жизнь не имеет смысла? Потому что я не могу позволить себе такие часы, как Тик? Хотя нет, я подумал об этом еще до того, как прошел мимо него. Поразмыслив еще немного, я окончательно убедился в том, что забыл.

Моя мысль затерялась, как бывает всякий раз, когда суждение или ощущение возникает при определенных обстоятельствах. Стоит только этим обстоятельствам смениться и все, мысли уже как не бывало. Теперь, чтобы она вернулась, нужно вновь попасть в те же обстоятельства, а возвращаться

мне не хотелось. Радуюсь тому, что жизнь прекрасна, я зашел домой.

II

День проходил совершенно обычно. Я бы даже сказал, что скучно. После того, как я сделал все уроки, я понял, что делать мне абсолютно нечего. Из досуга у меня были только телик да компьютерные игры. Но первое мне давно наскучило, а второе меня, почему-то сегодня не интересовало. Так как за окном было уже темно, я выбрал универсальный способ хорошо провести время – погулять. Гулять после захода солнца – это прекрасно. Почему-то под ночным небом человек чувствует себя свободнее. Я где-то читал, что «ночью развязывались языки и раскрывались страшные тайны». Мысль абсолютно правильная, как мне кажется.

Я натянул свою любимую белую футболку и надел на голову бейсболку с вышитыми буквами «LA». Как оказалось потом, очень не зря. Я сбежал по лестнице вниз и толкнул дверь наружу. Меня обдал поток свежего воздуха. После четырехчасового нахождения в помещении этот поток казался даром божьим. Путь мой лежал через всю «клеточку». «Клеточкой» называли наш район. Называли его так, потому что на виде с интернет-карты он был похож на тетрадный лист. Вот только клеточки эти были со стороной не в пол сантиметра, а в двести метров. Пройдя одну сторону «клеточки»

и свернув за угол, я понял свою ошибку.

Я забыл дома наушники.

Впоследствии это, конечно, сослужит мне хорошую службу, но в тот момент я сильно упал духом. Идти куда-то без музыки в ушах, а тем более просто гулять казалось мне невыносимым. С мира будто сползли все краски и он становился черно-белым.

Но что поделаешь, возвращаться уже поздно, остается только идти наедине со своими мыслями. Пройдя еще несколько метров, я вспомнил, почему днем думал, что моя жизнь не имеет смысла. Но, стоило мне об этом вспомнить, как на глаза мне попался какой-то паренек. В это время на улице было пустынно, люди попадались редко. У нас не принято было просто так шататься по темным улицам без повода.

В походке этого парня было нечто нервное, будто он хотел скорее убраться с улицы. При каждом шаге он не ступал, а будто падал на ногу, от чего волосы на голове легонько встряхивались. Мне вдруг стало интересно, чем вызвана его нервозность. Я чувствовал, что он неспроста такой дерганый.

Паренек зашел под арку. Я, идя на расстоянии где-то метров десять, прибавил шаг. Из арки вдруг послышались звуки возни и обрывки каких-то фраз. Что именно говорили, я не разобрал. Услышав это, я прямо-таки побежал к арке. Когда я оказался перед ней, мне открылась страшная карти-

на: пятеро парней стояли вокруг одинокой фигуры, а самый рослый из них прижимал его к стене. В свете фонаря я ментально узнал в прижатом к стене парне того, за кем шел. Взглянув на его лицо, я понял, почему его нервная походка мне знакома – это был парень по имени Даня. Он учился со мной в одной школе, но был на год младше. Его за спинами этих пятерых было почти не видно.

Когда я вижу избиение или унижение кого-либо, у меня в голове возникает вопрос: а может, он сам виноват? Может, он сам спровоцировал нападающих? Но в отношении Дани я такого и помыслить не мог. В школе он был тише воды, ниже травы. Он, что называется, и мухи не обидит. Так что это все ему доставалось явно незаслуженно.

Набрав в грудь воздуха, я окликнул парней. Как только я это сделал, у меня перехватило дух.

– Эй! Что вам от него надо? – ничего лучше мне на ум не пришло.

Я почувствовал, как меня начинает трясти. Двое, из стоящих под аркой, обернулись. Когда они это сделали, мне бросилась в глаза одна деталь.

Парни стояли в свитерах одинакового фасона, но разных цветов – у кого зеленый, у кого желтый, у кого белый. Но у них было одно общее – черная нашивка на левом рукаве. Нашивке был, как мне показалось, желтый компас. А на головах были абсолютно одинаковые черные бейсболки с вышитыми буквами.

– Это ты нам, пацан? – спросил крайний, стоявший ближе всех ко мне, нарочито насмешливо.

Я уже пожалел о том, что вообще пошел за Даней. Судя по нашивке, ничего хорошего мне этот разговор не сулил. В лучшем случае – несколько переломов, в худшем – первая группа инвалидности. Но отступить было уже поздно.

– Да, вам! – сказал я максимально воинственно.

Я подумал, что если сделать грозный вид, то это их напугает.

– Какого хрена вы накинулись на беззащитного мальчика?

Сейчас на меня смотрели уже все. Один все еще прижимал Даню к стене, но головы обоих были повернуты в мою сторону. Лицо Дани было испуганным, а лицо того, кто его держал, выражало насмешливый интерес. Так смотрят на детей, которые говорят что-то не по возрасту умное.

– Он нам денег должен! – сказал державший Даню, не меня выражения лица.

– Тихо, – сказал тот, который ответил мне в первый раз. – Ну и как же ты собираешься помешать нам?

Я замаялся. Этим вопросом я и сам задавался: что я могу противопоставить пяти парням, которые наверняка где-нибудь занимаются? Я, конечно, ходил в секцию каратэ, но это было семь лет назад и на протяжении, всего лишь, полутора лет, пока не начались спарринги. Молчание продолжалось несколько секунд. Все пятеро прожигали меня глазами. «Они на тебя как на обед смотрят», – вспомнилась мне фраза

за из одного фильма. Тот, что задал мне вопрос, медленно оглядел меня с ног до головы. Его взгляд остановился на моей бейсболке. Парни носили их козырьками назад, а я надел козырьком вперед и надпись спереди была видна. В его глазах вдруг появилось уважение, а улыбка стала блекнуть. Он посмотрел на меня.

– Мы тебя не тронем, – сказал он и, подождав секунду, добавил: – Сегодня.

Все недоуменно воззрились на него. Он обернулся и, вполголоса, что-то им сказал. На их лицах вдруг выразилось понимание. Они с уважением посмотрели на меня и мою кепку. А я, в свою очередь, из интереса посмотрел на головной убор своего спасителя. Так как он стоял ко мне спиной, мне открылась надпись на его кепке. Там были те же буквы «LA», что и на моей. Вот только на моей они были черные на белом, а у него белые на черном. Двое отвернулись от меня, и я увидел, что на их черных кепках были те же буквы. «Свитер с нашивкой и черная бейсболка – это у них униформа такая?», – подумал я.

А тем временем парень, державший Даню, отпустил его и, грубыми движениями, поправил сбившуюся на нем одежду.

– Радуйся, – сказал он. – За тебя важные люди заступились.

Вымолвив это, он отвернулся от мальчика и пошел прочь. За ним последовали и остальные. Я смотрел на их удаляющиеся фигуры, а в голове у меня все крутились слова то-

го парня: «За тебя важные люди заступились». Я, оказывается, «важный человек» теперь. Но что бы это могло значить? Неужели для того, чтобы относиться к «важным людям» нужно всего лишь надевать кепку с эмблемой Лос-Анджелеса?

Я посмотрел на Даню. Он стоял с совершенно ошеломленным лицом и глазел на меня, будто впервые видел.

– Ты им правда денег должен? – только и спросил я.

Он рассеянно кивнул и скрылся так неуловимо, что я едва успел это заметить. Я выдохнул. На негнущихся ногах подошел к стене и от перенапряжения сполз по ней вниз.

III

Как я тогда дошел домой – не помню. Видимо, это казалось моему сознанию не столь важным, нежели то, что было перед этим. Ну, а следующий день начался совершенно обычно – мой сладкий сон прервал звон будильника, возвещавшего «доброе утро». Я, как и всегда, поднялся, позавтракал и отправился на занятия. День обещал быть ничем не примечательным. Все тот же асфальт под ногами. Все те же серые пятиэтажки, хотя я давно подметил, что они не серые. Вопреки общепринятому мнению, они зеленоватые. Да и вообще сегодня все было удручающим. Даже небо, на котором еще вечером не было ни единого облачка, сейчас полностью за ними скрылось. Облака были не дождевые, но

один взгляд на них убивал хорошее настроение. Наш район считали криминогенным, уж не знаю почему. Но если кто-то посторонний и заходил на нашу территорию, то только по причине крайней необходимости. Моя школа стояла между «клеткой» и историческим центром города. Обычно, как нам рассказывал наш историк, небольшие города, как и деревни, формировались вокруг храма, монастыря или любого другого здания, связанного с религией. У нас же было иначе. Церквей в городе не было никогда. Да и религия у нас не была лейт-мотивом жизни. Вера в Хеймсфальске не прижилась. И вот по какой причине:

«По легенде староста деревни рыбаков, которой когда-то был наш город, был в ссоре с одним попом. По одной версии этой легенды говорилось, что они не поделили девушку, в другой – что землю. Но все версии сходятся в том, что ненавидели они друг друга лютой ненавистью. И, так как любое упоминание о вере и боге напоминало старосте о том попе и их ссоре, он запретил всем рыбакам молиться. Но, когда староста был уже дряхлым стариком, выросшие дети рыбаков, думая, что он ничего им не сделает, решили-таки построить в деревне церквушку. Прознав об этом, староста обозлился на этих ребят. Но он, будучи человеком расчетливым и терпеливым, решил не рубить с плеча и дожидаться подходящего момента. Он спокойно смотрел, как возводится церковь. День за днем он тихо смотрел на то, как трудятся эти люди над своим детищем. И вот, настал тот день, когда

осталось только поставить купол. Сам остов церкви не был вершиной архитектурного искусства, но, как думали жители: «С золотым куполом все красиво». Пожертвования на этот купол собирали со всей деревни. Когда за жертвованием пришли к старосте, он сказал: «Мою долю вам бог подаст». В итоге заказали купол у самого лучшего мастера в Золгороде. Когда всей деревне было объявлено, что купол будет готов через месяц, староста понял, что это его звездный час. Дождавшись темноты, он пошел к церкви. Той ночью шел дождь, но в тот момент, когда староста подошел к церкви, дождь прекратился. Староста зажег огнивом факел, который нес под подолом плаща, чтобы не замочить, и бросил его внутрь недостроенной церкви. По легенде, кто-то забыл внутри солому. Эта солома моментально запылала, а за ней, подобно спичке, вспыхнула вся церковь. На пожар сбегалась вся деревня. Они увидели старосту, стоящему во весь рост, отбросившему от себя клюку, на которую он обычно опирался и вещавшего:

– Каждый, кто посмеет возвести на этой земле «божий дом» будет проклят мною, как и весь его род до седьмого колена!»

С тех пор у нас в городе люди воспринимают веру сдержанно. А вместо церквей и монастырей у нас памятник рыбаку и Хеймсфальский гостиный двор.

Передо мной прошла ватага парней. Следовали они за одним пацаном, который был одет в черную футболку, черные

шорты и белые кроссовки. Они шли, совершенно не обращая на меня внимания. А я наоборот, глаз не мог от них оторвать. В их внешнем виде и подчеркнутой самоуверенности была какая-то притягательность. Мне невольно захотелось пойти за ними, захотелось стать таким же «крутым», как и эти парни. Вглядевшись в их лица, я понял, что это наша футбольная команда. По именам я не знал никого, кроме одного парня. Он был ниже остальных и единственный, кто носил на голове капюшон. Его звали Виталик Назаров-Родионов, по прозвищу «Пеле». Это был единственный игрок команды, которому было меньше пятнадцати. Виталику недавно стукнуло девять, но это не мешало ему творить с мячом страшные вещи. Он показал себя еще в первой игре за команду. В силу возраста его удар был несравним с ударом остальных, но обходил соперников Виталик на раз-два. Некоторые из тех, кто смотрел матчи настоящего Пеле, говорили, что Виталик на поле «танцует копоэйру».

За исключение Виталика, чья слава гремела на весь город, по именам я не знал никого, но регулярно видел их на вывесках. У нас в школе была целая доска, на которую вешали объявления или школьную стенгазету. И фотографии этих ребят на фоне футбольного поля с надписью: «Ими гордится наш город» появлялись там регулярно. Ученикам школы это было только на руку, ведь появлялся железный предлог, чтобы гулять допоздна, а когда родители спросят, отвечать: «Я тренируюсь, чтобы стать таким же, как наша команда». Фут-

болисты, видимо, как и я, шли в свою школу. Но их школа находилась чуть ли не на другом конце города, что им делать здесь?

Наш город был устроен так, что три школы, которые в нем имелись, находились на одинаковом расстоянии друг от друга. Они, так сказать, охватывали одинаковую площадь. Но на практике это не работало, ведь предполагалось, что в «охватываемой» школой площади, то есть в той, внутри которой до школы можно максимально легко добраться, живут только те дети, что захотят в ней учиться. На деле же регулярно возникали случаи, когда родители хотели отдать ребенка в спортивную школу, живя, например в «клетке».

Пропустив футболистов, я пошел дальше. В школе все было как всегда. Обычный треп ни о чем перед занятиями, уроки, перемены, заполненные тем же трепом. Я и не заметил, как пролетела половина учебного дня.

Я стоял у стены, погруженный в свои мысли. В двух шагах от меня стояли мои одноклассники Женя и Костя и о чем-то разговаривали. Поначалу я не обращал внимания на их разговор, но затем прислушался:

– И кто же эта несчастная? – спросил Костя.

– Очень смешно, – притворно засмеялся Женя. – Она учится у нас в реалке. Лиза зовут.

«Реалкой» мы называем наш технический класс.

В нашей школе была реализована образовательная программа, по которой дети, переходящие в седьмой класс впра-

ве выбрать, куда им идти – в гуманитарный класс или в технический. Эту программу ввели, когда я пошел в пятый класс, она была экспериментальной. Насколько мне известно, нигде, кроме нашей школы ее не ввели. Предполагалось, что на нас ее «опробуют». Видимо, пробы вышли неудачными. Но, так или иначе, мы до сих пор учимся по этой системе. А само название – «Реалка» придумал Женя. Он собирался стать историком и объяснил нам, что до революции обучение в школах делилось на гимназии и реальные училища. По его словам, мы, получается, гимназисты.

– Лиза значит... – задумчиво сказал Костя. – Елизавета... Хм, красивое имя.

Женя взглянул на него испепеляющим взглядом. Он всегда заводился с пол оборота.

– Ладно, ладно, остынь, уже и пошутить нельзя, – сказал Костя, улыбнувшись.

Взгляд Жени сразу смягчился. Насколько быстро он выходил из себя, настолько быстро он заходил обратно.

– Покажи хоть фотку спутницы жизни.

– Сейчас.

Он вытащил из кармана телефон, покопался в нем с секунду и продемонстрировал экран Косте. Я подошел к ним и тоже посмотрел. На нем была фотография миловидной девушки в белом свитере, за которой виднелись портреты, судя по всему каких-то видных деятелей науки.

– Элен Курагина, не иначе, – сказал Костя в притворном

восхищении.

По Жене было видно, что сейчас будет драка.

– Я имею в виду внешность, а не характер.

Во взгляде Жени появился интерес.

– Скажу тебе честно – если смотреть на твое и ее лицо, это как сравнивать гусеницу с бабочкой. У нее одни глаза чего стоят. Так что тут тебе un petit effort будет мало, – сказал он.

Французского у нас в школе не было, Костя просто цитировал французские фразы из «Войны и мира».

– Чтобы такая как она, – он указал на телефон Жени. – Обратила внимание на такого как ты, – он указал на самого Женю. – Тебе надо...

Он задумался.

– Тебе нужно постараться не стать Безуховым.

По лицу Жени было видно, что слова Кости его задели и, в то же время, что последнюю его фразу он не понял. Но Женя взял себя в руки и сменил выражение лица на нормальное.

– Спасибо, – сказал он и отошел.

– Etait heureux d'aider, – ответил Костя.

Костя очень любил роман «Война и мир». По крайней мере, старательно делал вид, что любит. Некоторые говорили, что это единственная книга, которую он прочитал, поэтому она ему так понравилась. Костя очень любил приводить аналогии с книгой, сравнивать людей с персонажами. Не раз он говорил, что прочел все четыре тома не меньше трех раз. На мой же взгляд, чтение «Войны и мира» было максималь-

но нудное, читать такое можно только из-под палки. Благо, когда спрашивали содержание, мне попался несложный вопрос.

Еще с неделю не происходило ровным счетом ничего интересного. Даня, что стало для меня неожиданностью, при виде меня в коридоре сразу бросался бежать. Это заставляло меня все чаще мысленно возвращаться к тому вечеру, когда я не дал его избить. Я все гадал – по какой причине он обратился за помощью именно к ним? Я прокручивал у себя в голове огромное количество сценариев, и в каждом из них просить денег у гопников было последним решением. Да и пусть даже он не нашел другого выхода, кроме как попросить денег у них – тогда почему не отдал? Он же понимал, у кого занимает, и какие последствия могут быть, если он не вернет им деньги.

Но через неделю я получил ответ на свой вопрос.

IV

Произошло это перед уроком английского.

Я сидел за партой и повторял монолог, заданный на сегодня. Но от мысленного повествования о вреде курения меня оторвал голос Саши Изотова. Это был один из моих одноклассников, внешний вид которых как бы говорил: «Мне можно поручить что угодно, я все выполню, и не буду зада-

вать лишних вопросов». Так и в этот раз. Я посмотрел на него. Он протягивал мне листок бумаги. Я взял его. Это был одинарный тетрадный лист, вырванный, судя по всему, второпях, потому что край листа был неровным, а вместо левого угла была дуга. На листке корявым почерком были выведены два предложения: «*Завтра футбол в три часа. Приходи, пожалуйста*».

Я моментально понял, кто это написал.

– Ты знаешь, где наша команда будет играть завтра? – обратился я к Саше, все еще глядя на письмо.

– Не знаю, – замылся он. – Наверно у сто восьмой.

Он уже было начал отходить как, вспомнив что-то, вновь обратился ко мне:

– Слушай, ты мою собаку не видел, случаем?

Вопрос загнал меня в тупик. Где я мог видеть его собаку? Я помотал головой, все еще глядя на листок.

– А жаль, – ответил он. – Сбежала сегодня утром. Я с ней гулял, а она взяла и убежала.

Остаток школьного дня я провел, думая об этой записке. У меня из головы не шли слова: «Приходи, пожалуйста». Судя по тому, что произошло неделю назад, его опасения были небезосновательны. Но я не был уверен, что если те парни, которые зажали его тогда в арке, вновь до него доберутся, я смогу что-то сделать. В прошлый раз мне просто повезло, в этот раз такого везения мне не дожидаться.

После школы я хотел, как всегда, направиться домой. Но

моим планам помешало неожиданное обстоятельство. Обстоятельство это являло собой ковыляющего по улице юношу лет двадцати пяти. Я узнал в нем Никиту Думского, работающего санитаром в городской больнице. Такая была у нас в городе всего одна. Моя мама как-то поскользнулась зимой, сломала себе руку и ее увезли в эту больницу. И первым, кого я встретил в коридоре, был «*Думский Никита*», если верить его бэйджику. Тогда у него были лаком поставленные волосы на голове и подстриженная борода. Но сейчас Никита был совсем на себя не похож: заросший, видимо, не брившийся с месяц, он ковылял на одной ноге, подволакивая вторую и затравленно озираясь. В руке он нес черный полиэтиленовый пакет. Санитар проковылял мимо меня и, неожиданно посмотрел прямо мне в глаза. Меня как холодной водой окатили. Я отшатнулся. В этом взгляде было безумие, смешанное со страхом и с чем-то еще. Осознав, с чем именно, у меня выступил холодный пот. Это была ненависть.

Я стоял и, не отрываясь, смотрел в спину удаляющемуся санитару. Я просто не мог оторвать от него взгляд. Мне вдруг стало интересно, а куда он, собственно, идет? Я ощутил эмоциональный подъем, какой бывает, когда тебе предстоит что-то опасное, но вместе с тем чертовски интересное. Я подождал, когда Никита отойдет подальше и, неспешно, направился за ним. Мне не хотелось привлекать к себе его внимание, потому что, судя по его взгляду, он был пострашнее тех парней, что напали на Даню. Но не пойти за ним я

просто не мог. Меня как будто привязал к нему невидимый канат, разорвать который, я был не в силах.

Все также медленно я продолжал преследовать обезумевшего санитаря.

Нужно признать, что район для похода он выбрал превосходно. В отличие от утра, сейчас ярко светило солнце. И в данный момент объект моего наблюдения шел в тени дома номер шестнадцать, вдоль парадных. Это был первый дом, стоящий за «клеточкой». В нем, преимущественно жили те, кто работал на рыбном комбинате. И сейчас все жильцы этого дома были на этом самом комбинате, либо спали, взяв себе отгул. А на другой стороне улицы стояло строение, обращенное к нам солнечной стороной. А, живя на солнечной стороне, дневной вид из окна особого удовольствия не доставляет. А посему, вероятность того, что его кто-то увидит, была минимальной.

В тот момент, меня уже перестало интересовать, куда он идет, меня не волновало, почему он хромает. Меня занимал лишь один вопрос: «Что у него в пакете?». Вспоминая его безумный взгляд и налитые кровью глаза, мое воображение выдавало все более и более ужасные картинки – отрубленные части тела, забрызганные кровью орудия преступления, использованные шприцы и так далее. В какой-то момент я поймал себя на мысли, что еще одна порция таких «картинок» и я сам стану как этот Никита. А он, тем временем, уже подходил к пределу городской черты. Насколько мне было

известно, дальше был только пустырь, да небольшой лесок. Вспомнив о леске, мое воображение вновь принялось за работу: в лесу закопан труп или Никита идет туда, чтобы повеситься сам, а может у них там вообще целый притон... Я усилием воли отогнал от себя эти мысли. «Если бы кто-нибудь узнал, о чем я думаю, то точно решил, что я чокнутый», – подумал я и улыбнулся. Настроение мое стало чуть лучше. Никита подошел к дороге, окаймляющей город. Впереди виднелся тот самый пустырь да лес. Санитар посмотрел сначала влево, потом вправо. Выждав секунду, пошел вперед.

Перейдя дорогу, он перелез через заграждающий барьер и исчез. Поняв, что это мой шанс, я побежал вперед. У дороги я огляделся – машин не было. Я буквально перелетел через нее.

За дорогой был пологий спуск. Я сразу углядел внизу Никиту, идущего по направлению к бетонной постройке. Конструкция, к которой он направлялся, скорее всего, была фундаментом для какого-то будущего здания, которое так и не достроили. Этот фундамент имел очень странный вид. Он представлял собой вросшие в землю блоки, расставленные там и сям. Блоки же, к которым направлялся Никита стояли вертикально, а еще один лежал на них горизонтально. Либо идею с постройкой дома забросили в самом начале, либо эти блоки просто побросали друг на друга. Других объяснений такому странному их расположению у меня не было. Я не мог себе представить, как можно было использовать дан-

ное строение на практике. Но, как бы там ни было, это место пригодились минимум одному человеку. Но для чего?

Я сбежал по склону вниз.

В это время беглый санитар уже вошел под «крышу» бетонного блока. Я аккуратно, на цыпочках, подошел к ближайшему блоку. У меня начали трястись коленки. Я не мог себя заставить заглянуть за угол. Мне было страшно от того, что я могу там обнаружить. Изнутри послышался шорох полиэтилена. По моей спине пробежал холодок. Взяв волю в кулак, я выглянул из-за угла.

В пакете не оказалось отрубленной головы или окровавленного ножа. Там был обычный бинт, несколько упаковок каких-то таблеток и еще всякий ассортимент аптеки. Не успел я задаться вопросом, зачем ему все это, как он взял бинт, салфетки и какую-то баночку, сел на землю боком ко мне, задрал правую штанину...

Меня чуть не вырвало. На его залитой кровью правой икре была рваная рана. Было ощущение, будто эту икру жевали. Он отмотал бинт, зубами оторвал его, засунул себе в рот и крепко сжал зубами. Затем санитар взял баночку, открыл крышку и стал потихоньку выливать содержимое на рану. Истошный крик вырвался из его глотки сквозь сжатые зубы. У меня по коже побежали мурашки, я схватился за угол так, что костяшки пальцев побелели. Но я не мог отвести глаз от этого человека. Он, закрыв от боли глаза, потянулся к упаковке с салфетками. Взяв одну, вытер кровь с ноги. До

меня вдруг дошло, что именно с самого начала казалось мне странным. Еще до того, как заглянуть за угол, я учуял запах. Это был отвратительный запах гнили. Пока я следил за действиями санитаря, запах не так сильно чувствовался, но сейчас, когда я отвлекся, он ударил мне в нос с новой силой.

Санитар сидел прямо около дальней «стены». Вокруг него лежали какие-то шприцы, банки-склянки, но меня это, в тот момент, мало интересовало. Я вгляделся, что же в этом «доме» могло вызвать такой запах – не гниёт же Никита живо. Вспоминая этот момент позже, я пожалел, что начал искать причину запаха. Я вообще жалею, что пошел за ним тогда. Осмотревшись, я увидел, что причиной этого запаха был бульдог, лежащий справа от меня у дальней стены. Он лежал на боку в луже крови. Причем полоска крови тянулась от собаки к «стене», противоположной той, у которой я стоял. Было похоже, что ее сначала порезали, а потом тащили, или же она ползла сама. Меня передернуло. Горло у собаки было перерезано, живот был взрезан и кишечник, вывалившись из отверстия, лежал сейчас на траве. Над телом собаки уже летали мухи. Но самое страшное было в том, что это была *та самая собака*, о которой меня спрашивал Саша, не далее, чем три часа назад. Я несколько лет назад видел его собаку – встретил их, когда они гуляли.

– Джек, – вымолвил я.

Зря я это сказал.

Санитар дернулся, будто его ударили. Повернувшись в

мою сторону, он воззрился на меня. Наши взгляды встретились. На этот раз в его взгляде был затравленный испуг. Не помня себя, я ринулся обратно, вверх по склону. Быстрее через дорогу, в город, домой, запереться там и забыть об этом дне и об этом санитаре. Я слышал, как за моей спиной он поднялся и побежал за мной. Подстегиваемый страхом быть пойманным этим чудовищем, я ускорил бег. Добежав до заградительного барьера у дороги, я обернулся.

Санитар был в двух шагах от меня.

Видимо, больная нога не стала для него препятствием, чтобы бежать за мной. Я, загнанный в угол, не нашел ничего лучше, как опереться на барьер и обеими ногами врезать санитару в район груди. Он отлетел словно тряпичная кукла. Удар о землю вышиб из него дух, но ему повезло, что здесь была земля, а не камни. Большого урона такое падение ему не нанесло, но немного времени я выиграл. Перемахнув через заградительный барьер, я, не смотря по сторонам, перебежал дорогу. Я бежал, я несясь по улицам, боясь и одновременно радуясь. Перед моим мысленным взором все стояло лицо санитаря, когда он понял, что его тайное убежище раскрыли. Особенно мне запомнился его взгляд.

Взгляд загнанного в угол животного.

Такой бывает у волка или медведя, когда его приводят на вольерную охоту. Когда он понимает, что выбраться уже не получится.

V

Спал в ту ночь я как убитый.

А проснувшись и думать забыл о санитаре и о бедной собаке Саши. У меня так часто бывает – вечером кажется, что жизнь кончена и из проблем не вылезти, а утром просыпаясь и понимаешь, что все не так уж и плохо. Наш учитель литературы как-то описывал это состояние и сказал, что один писатель называл это «Отчаянием ночной темноты».

Так и сейчас. Никита казался мне теперь страшной сказкой, кошмарным сном, от которого я пробудился. Тем более его затмевала другая мысль. Сегодня футбол. Сегодня, возможно, придется защищать этого незадачливого паренька. Хотя... Почему придется? Я ему ничем не обязан.

Мне вспомнилось испуганное лицо Дани, когда те парни прижали его к стенке.

«Приходи, пожалуйста»

Нет, все-таки я должен ему помочь. Хоть как-нибудь.

Весь школьный день тогда меня одолевал мандраж. Чувство томительного ожидания перед чем-то мной горячо ожидаемым. В таких случаях я, пытаясь скоротать время, с головой погружаюсь в события, происходящие вокруг меня. В данном случае это были занятия. Последней в тот день была литература. Наш учитель, Рудольф Иннокентиевич решил, на радость всем, устроить поэтический урок. Он рассказы-

вал стихи, вспоминал какие-то моменты из жизни, связанные с прочитанными им стихами, и призывал других, кто помнит наизусть какие-либо стихи, поделиться ими с остальными.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.